

В. П. САМАРЕНКО

В. К. ТРЕДИАКОВСКИЙ В АСТРАХАНИ

(Новые материалы к биографии В. К. Тредиаковского)

Документы, обнаруженные нами в делах Государственного архива Астраханской области, позволяют уточнить некоторые подробности биографии В. К. Тредиаковского.

Известно, что Тредиаковский родился в семье священника соборной Троицкой церкви в г. Астрахани Кирилла Яковлева. Семья была большой. Средств, которые Кирилл Яковлев получал от церковной службы, не хватало, и ему приходилось заниматься еще и сельским хозяйством, разводить сад и огород.

Один из документов рассказывает, что поп соборной церкви Кирилла Яковлев, не имея возможности уплатить денежный долг в сумме 48 рублей, отдал в 1717 году «государева рыбного приказа ловцу Осипу Яковлеву Плохому огород с деревьями и овощами, находящимися за рекою Кутумом».¹ Нужда семьи вынудила подростков Василия и Якова Тредиаковских помогать отцу и в церковных службах, и в хозяйстве. Младший брат В. К. Тредиаковского с ранних лет прислуживал отцу в церкви,² а Василий, обучаясь в школе католических монахов, состоял певчим архиерейского дома.

В статье «Молодость В. К. Тредиаковского до его поездки за границу (1703—1726)» Л. Н. Майков писал, что Тредиаковский получил первоначально домашнее образование и только «в 1719 или 1720 году, то есть лет шестнадцати... поступил в школу к католическим монахам капуцинского ордена...».³ Это не совсем верно. Л. Н. Майков не обратил внимания на заявление самого В. К. Тредиаковского, писавшего 28 февраля 1744 года в Правительствующий Сенат о том, «что обучался языкам, также свободным наукам, а наконец философическим и математическим знаниям; употребил на то 18 лет, сперва в отечестве моем Астрахани, у римских монахов, потом оставя мое отечество, родителей, дом и всех сродников чрез краткое токмо время, в Москве, в Славено-латинском училище, напоследок в Парижском университете...».⁴

Л. Н. Майков не принял также во внимание «Ведомости», поданной В. К. Тредиаковским в академическую конференцию, где сообщал о себе более подробные сведения. «Дед и отец мой, — писал он, — были священники. Я именованный, учившись по желанию моего, покойного ныне, родителя, словесным

¹ «Астраханские епархиальные ведомости», 1887, № 14, 15 июля. Приложение, стр. 225.

² Там же, 1877, № 20, 15 мая, стр. 11.

³ «Журнал Министерства народного просвещения», 1897, июль, отд. 2, стр. 4.

⁴ «Москвитянин», 1851, № 11, кн. I, отд. I, стр. 227—228.

наукам на латинском языке, еще в молодых моих летах, в Астрахани, где моя и родина, у римских живущих там монахов, а по охоте моей к учению, оставил природный город, дом, и родителей, и убежал в Москву...»⁵

Эти сведения, данные самим В. К. Тредиаковским, позволяют установить с арифметической точностью, что он поступил в школу католических монахов не в 1719 или 1720 году, как предполагал Л. Н. Майков, а в 1713 году, так как из Парижского университета он ушел в 1730 году.

Неточно указание Л. Н. Майкова и о том, что монахи-капуцины «незадолго перед тем (т. е. в 1719—1720 годах, — В. С.) поселились в Астрахани, построили в Армянской слободе свою церковь и занялись обучением юношества».⁶

В действительности же «немцы» стали поселиться в Астрахани еще при Иване Грозном, в XVI столетии. Немецкий путешественник и государственный деятель Олеарий и поэт Пауль Флеминг, побывавшие в Астрахани в 1636, 1638 годах, встречались здесь со своими соотечественниками-монахами.⁷ В годы царствования Петра I число «немцев» в Астрахани увеличилось. Привилегии, которые предоставлялись иноземцам при Петре I, привлекали сюда не только садоводов, виноделов, морских офицеров, шкиперов, судостроителей, ремесленников, торговцев, но и католических миссионеров. В 1707 году во время стрелецкого восстания в Астрахани все «немцы», за исключением трех человек, погибли. Но вскоре их число значительно возросло за счет вновь прибывших. «Немцы» организовали в городе общину, построили церковь, создали пасторат и основали школу.

Академик С. Гмелин, побывавший в шестидесятых годах XVIII века в Астрахани, писал, что «немцы... в Астрахани находившиеся... в 1713 году пастора Цехелия для наставления своего в законе призвали, и в то время построили деревянную церковь... для построения оной показано было ровное и пространное место на Житном дворе, а потом оное от общества палисадом так обнесено, что церковь, пасторский дом и школа в оном заключались...».⁸

В этой школе, основанной «немцами» в 1713 году (русских школ в Астрахани не было до середины 1772 года), начал обучаться иностранным языкам Тредиаковский.

В разное время школьными учителями были римские монахи-капуцины, проживавшие в Астрахани. Первыми учителями, видимо, были Цехелий, Бонавентури, Иоани и Патриций Медноланские. Католический же пастор Марк Антоний, о котором упоминает Л. Н. Майков, прибыл в Астрахань только в апреле 1718 года,⁹ т. е. тогда, когда юноша Тредиаковский был уже в старших классах. Последние три года обучения Тредиаковский в латинской школе могли пройти под руководством Марка Антония, так как Бонавентури, Иоани и Патриций Медноланские, спустя год после прибытия Марка Антония, выехали из пределов Астрахани в разные места.¹⁰

Закончив школу, Тредиаковский возымел «великую охоту» продолжить свое образование. Сначала он намеревался поступить в Киево-могилянскую академию. 13 февраля 1722 года он подал на имя астраханского вице-губернатора И. В. Кикина челобитную, в которой просил о выдаче ему, Тредиаков-

⁵ «Записки императорской Академии наук». СПб., 1865, т. VIII, кн. II, стр. 30.

⁶ «Журнал Министерства народного просвещения», 1897, июль, отд. 2, стр. 4.

⁷ Астраханский сборник, издаваемый Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань, 1896, вып. I, стр. 77.

⁸ С. Гмелин. Путешествие по России, ч. II. СПб., 1777, стр. 166.

⁹ И. Саввинский. Католики и лютеране в Астраханской епархии. Астрахань, 1902, стр. 4.

¹⁰ Там же, стр. 4—5.

скому, паспорта. В книге «Протоколов входящих челобитных доношений» под № 113 имеется следующая запись: «Челобитье бывшего певчего Василия Кирилова об отпуску из Астрахани до Киева для учения латинскому языку в пашпорте».¹¹ Оформление паспорта было поручено канцеляристу Волковойнову.

Тредиаковский хотя и получил паспорт, но выехать в Киев ему не удалось. Материальная нужда родителей, их воля, а затем личные семейные обстоятельства не позволили молодому поповичу осуществить заветное желание.

Л. Н. Майков¹² высказал предположение о знакомстве Тредиаковского с И. Ю. Ильинским. Присоединяясь к мнению Л. Н. Майкова, мы склонны считать, что известное влияние на молодого Тредиаковского мог оказать первый учитель «арифметической школы» Иван Трофимов, прибывший из Петербурга в Астрахань весной 1722 года. Скорее всего Ильинский и Трофимов порекомендовали Тредиаковскому поехать учиться в Москву, а не в Киев.

К сожалению, нам не удалось установить ни точного времени отъезда Тредиаковского, ни того, каким путем и каким видом транспорта он добрался до Москвы.

В одном из «приговоров» губернатора говорится, что 10 июня 1723 года из Астрахани в Москву была отправлена артиллерийская команда в составе 73 человек. Команда отбыла из Астрахани до Саратова водным путем на струге, а от Саратова до Москвы она должна была добираться сухопутным.¹³

Возможно, что Тредиаковский выехал из Астрахани с этой «оказией». Несомненно одно: выехать в одиночку Тредиаковский не мог. В ту пору такой шаг был рискованным и небезопасным.

П. П. Пекарский, ссылаясь на историографа Миллера, писал, что «отец Тредиаковского предназначал его (Василия, — В. С.) к духовному званию и так как сын был еще холост, то намеревался женить его против его воли. Поэтому Тредиаковский за день до свадьбы бежал...».¹⁴ Да, Тредиаковский «бежал», но не «за день до свадьбы», а будучи уже женатым.

Женой В. К. Тредиаковского была Федосья Фадеева, дочь сторожа Астраханской губернской канцелярии Фадея Кузьмина. Имея на руках паспорт, полученный за год до того, Тредиаковский покинул молодую супругу, оставив родной город, дом, родителей и отправился в Москву.

В 1727 году, спустя четыре года после побега Тредиаковского из Астрахани, в городе разразилась эпидемия чумы, длившаяся по август 1728 года. Болезнь унесла в могилу почти всех родственников Тредиаковского. 28 февраля 1744 года Тредиаковский писал по этому поводу в Правительствующий Сенат следующее: «По должном возвращении моем в Россию, уведомился я о родителях моих, нескольких кровных, и почитай, о всех сродниках, что они волею божиею от язвы померли».¹⁵

Жена Тредиаковского, Федосья, умерла в середине марта 1728 года, а вслед за ней умер и ее свекор, отец В. К. Тредиаковского, Кирилл Яковлев, постригшийся перед тем в иероманахи под именем Климента.¹⁶

¹¹ Государственный архив Астраханской области, ф. 394, оп. I, ед. хр. 34, л. 72. В дальнейшем ссылка на документы этого архива будет даваться сокращенно — ГААО.

¹² «Журнал Министерства народного просвещения», 1897, июль, отд. 2, стр. 6.

¹³ ГААО, ф. 394, оп. I, ед. хр. 53, л. 199.

¹⁴ П. П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. 4—5. Ср.: Материалы для истории императорской Академии наук, т. 6. СПб., 1890, стр. 171. *Прим. Ред.*

¹⁵ «Москвитянин», 1851, № 11, кн. I, отд. I, стр. 228.

¹⁶ ГААО, ф. 394, оп. I, ед. хр. 166, л. 166.

Из близких родственников Тредиаковского оставалась в живых лишь одна сестра Мария со своим маленьким сыном. О ней писали Л. Н. Майков,¹⁷ П. П. Пекарский¹⁸ и сам Тредиаковский.¹⁹

Возникает вопрос, каково было имущество родителей Тредиаковского и в чьих руках оно оказалось после их смерти. Имел ли отец писателя свой собственный дом, или его семья проживала в церковном доме?

В прошении, адресованном на имя Сената, Тредиаковский, не указав ни вида, ни размера имущества родителей, писал: «... а отеческое мое наследие за небытностью там моею как движимое, так и не движимое, все по рукам растащено».²⁰

В разгар эпидемии чумы в Астрахани представители светской власти покинули город и не возвращались сюда до конца 1728 года. Пользуясь безвластием, преступные элементы занялись расхищением имущества вымерших семей. Той же участи, видимо, подверглось и движимое имущество Тредиаковских. Если отец Тредиаковского имел свой дом, сад и пр., то все это, согласно указу Астраханского губернатора от 28 апреля 1729 года за № 35,²¹ должно было поступить в распоряжение Марии Кириловой, сестры Тредиаковского, владешей, как видно из документов, некоторое время имуществом, оставшимся после смерти снохи Федосьи. Из-за этого имущества впоследствии возникла судебная тяжба между Марией Кириловой и отцом умершей Федосьи — Фадеем Кузьминым. 15 декабря 1728 года Фадей Кузьмин подал челобитную на имя астраханского губернатора И. А. Фонменгена, в которой писал: «... в прошлом 723 году зять ево астраханского архиерейского дому певчей Василий Кирилов волею своею бежал из Астрахани в Москву и в Санкт-Петербурх, а по отъезде своем жене своей, а ево челобитчиковой дочери Федосье Фадеевой на прокормление ничево не оставил...»²² Фадей Кузьмин сообщал, что свекор Кирилл Яковлев, отказав снохе в материальной поддержке, все же выделил ей для обзаведения хозяйством часть земли из принадлежащего ему огородного участка, на что дал собственноручное дарственное письмо на имя сына Василия следующего содержания: «Поп Кирил Яковлев сыну своему Василию Кирилову дал часть огорода своего ему Василию в наследие, а именно: которая часть от соседа нашего Наума Панфилова мерою в длину бугра от межн реченного соседа Панфилова в середине и по концам обоим тридцать сажень, а поперечнику упусти от плетней, что у ерика две сажени на дорогу, которая дорога мне будет на свой огород, а другой конец до ельменя и аще сын мой Василий станет прихватывать или прибавлять к своему месту своего огорода в длину бугра на лишней земле за тридцать сажень, кроме моей воли, нет благословения, аще же по моей воли, да будет благословен. А сие письмо я поп Кирил писал своею рукою».²³

Для обзаведения домом Федосья Тредиаковская заняла в долг у своего отца Фадее Кузьмина «сто один рубль с полтиною». На эти и на вырученные от продажи личных вещей деньги она поставила в огороде «жилую избу с сенми, конюшню, погреб с напосребицею плетневой, чигирь с принадлежащим к нему строением да городьбу кругом огорода плетнем построила, также яблони и прочие деревья разводила...»²⁴

¹⁷ «Журнал Министерства народного просвещения», 1897, июль, отд. 2, стр. 7.

¹⁸ П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, стр. 96.

¹⁹ «Москвитянин», 1851, № 11, кн. I, стр. 230.

²⁰ Там же, стр. 228.

²¹ ГААО, ф. 394, оп. I, ед. хр. 166, л. 81.

²² Там же, л. 165.

²³ Там же, л. 166.

²⁴ Там же.

Фадей Кузьмин писал, что «бывший свекор» его дочери «иеромонах Климент... в опасное время в Астрахани умре» (от чумы, — В. С.), что в 1728 году «умре» и его дочь Федосья, не возвратив взятого ею при жизни денежного долга. Между тем «в наследстве сада осталась реченного зятя ево сестра родная Мария Кирилова, которая по многократному прошению» его «взятых дочерью на развод того сада денег и поныне не отдает»,²⁵ жаловался он и просил губернатора «о том указ учинить».²⁶

Рассмотрев челобитную, губернатор оставил «помету»: «... вышеозначенную Маршию Кирилову сыскать и допросить по Указу, а свыше объявленной духовной, освидетельствовав, к сему прошению взяти копию».²⁷

30 марта 1729 года Мария Кирилова, сестра Тредиаковского, была «сыскана и допрошена» в канцелярии губернатора. «На допросе она сказала»,²⁸ что «не ведает» ни о том, что ее отец, бывший иеромонах Климент, дал снохе «огородное место на развод саду»,²⁹ ни о дарственном «письме» на землю, ни о займе денег снохой у Кузьмина. Мария Кирилова утверждала, что земельный участок, которым владела покойная ее сноха Федосья, не был «пустым огородным местом», что на этом месте «разведен отцом ее сад издавних лет».³⁰ «Ответчица» заявила губернатору, что она не считает себя наследницей имущества покойной снохи. Не осведомленная о местонахождении брата Василия Тредиаковского, находившегося в ту пору в Париже, она сказала: «... имеется у ней брат родной, а ево челобитчиковой дочери муж Василий Кирилов, который ныне имеется в Санкт Питербурхе вживе»,³¹ что «заемных» денег «платить ей... не надлежит понеже она... живет в отделе своим двором да и платить ей оных денег за недостатком своим нечем».³²

Защищая свое право наследия на имущество умершей дочери, Фадей Кузьмин выставил свидетелей — комисара Давыда Воронина да посадского человека Наума Панфилова». Тот и другой подтвердили, что все постройку, имеющиеся на огороде, возведены Федосьей Фадеевой, что она же «яблони и прочие деревья разводила», что до того на «огороде посажено было молодых сливных (сливовых, — В. С.) деревьев малое число».³³

Вслед за тем Фадей Кузьмин предъявил «духовную» покойной дочери. В «духовной» «за руками Рождественской церкви священников Петра Никифорова да Никиты Петрова» написано: «... в 1728 году марта 18 дня Астраханской губернской канцелярии сторожа Фадея Кузьмина ево родная дочь Федосья Фадеева на исповеди объявила отцу своему духовному церкви Рождества богородицы священнику Петру Никифорову: имеет де она за собой долгу сто один рубль сполтиною, которые занела она на разводку на данном пустом свекра своего иеромонаха Климента земле огородных деревьев и ежели бог попустит ея то шлет, чтоб свекру ея Клименту отцу ея родному Фадею Кузьмину заплатить для того, что по отъезде мужа своего Василья Кирилова пропитание от него свекра ничего чрез пять лет не имела, а приданое свое платье, бородок земчужный, ленту низону земчужом, монисту серебряную с двумя крестами, четыре аршина тафты, юбку луданную, ширинку иконовязную, две книги на латинском языке продала на разводку огорода и ежели муж ее прибудет, чтоб на отце ея Фадее Кузьмине не взыскивать».³⁴

²⁵ Там же, л. 165.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, ед. хр. 150, л. 179.

²⁸ Там же, ед. хр. 166, л. 165.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же, л. 167.

³⁴ Там же.

Опираясь на ряд законодательных документов, губернатор распорядился считать «духовную», оставленную Федосьей Фадеевой, официальной справкой. Он предложил Астраханской земской ратуше определить стоимость сада-огорода со всеми имеющимися на нем постройками «астраханскими купецкими людьми настоящей ценою при фискальном свидетельстве и оценив... огород отдать во владение... челобитчику сторожу Фадею Кузьмину...»,³⁵ «а ежели, — говорится далее в приговоре, — по... оценке явится сверх показанных в завещательном письме денег, что излишнее, те... деньги взять на... челобитчике и до прибытия из Санкт-Петербурга... Василия Кирилова отдать по наследству сестре ево Васильевой... ответчице Марии Кириловой дочери».³⁶

6 июля 1729 года Астраханская земская ратуша за подписью бургомистра Гаврилы Старикова³⁷ сообщила в губернскую канцелярию, что «огород при подчиненном фискале Игнатье Зайцове оценен астраханскими посадскими людьми Иваном Лебедевым с товарищи во сто шестьдесят один рубль в сорок семь копеек».³⁸

Поставленный в известность о сумме оценки имущества покойной Фадей Кузьмин заявил в губернскую канцелярию, что огород «ему ненадобен, понеже владеть... огородом не в мочь да помянутых сверх данного... взаем дочери своей показанных по... духовной излишних денег пятидесяти девяти рублей девяносто семи копеек платить... Марии Кириловой... за недостатком своим нечем».³⁹

29 октября 1729 года состоялся новый приговор. Повторяя вначале содержание приговора от 30 марта 1729 года, он дополнился в конце следующим новым материалом. 25 сентября 1729 года дворянин, секретарь Астраханской губернской канцелярии Алексей Богданов, подал на имя губернатора челобитную, которой просил имущество, оставшееся после смерти Федосьи Фадеевой, «отдать ему... в вечное владение по оценке... купецких людей, деньги принять у него в губернскую канцелярию и для владения на оный огород дать ему владенную выпись».⁴⁰

Учитывая, что ни ответчица, Мария Кирилова, ни челобитчик, Фадей Кузьмин, не в силах учинить взаимного денежного расчета из-за «недостатка своего», губернатор И. А. Фонменгден распорядился «огород за принадлежащим на нем строением... по оценке... за сто шестьдесят за один рубль за сорок семь копеек отдать в вечное владение... секретарю Богданову...». Из «ста шестидесяти одного рубля сорока семи копеек... сто один рубль с половиною... отдать... сторожу Кузьмину с роспиской, а оставшие... пятьдесят девять рублей девяносто семь копеек по прежнему приговору до прибытия из Санкт-Петербурга... Василия Кирилова отдать по наследию сестре ево Васильевой Марии Кириловой дочери...».⁴¹

На том спорный вопрос об имуществе, оставшемся после смерти Федосьи Фадеевой, закончился.

³⁵ Там же, лл. 163—169.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, ед. хр. 159, л. 85, № 12.

³⁸ Там же, ед. хр. 161, л. 135.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, л. 136.